

МЕТОДОЛОГИЯ

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

DOI 10.37386/2305-4077-2024-2-6-18

Е. Е. Иванов¹

Московский международный университет (Москва)

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПОЭТИКЕ РОМАНА «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА» (к вопросу о смысле рефрена: «а был ли мальчик?»)

В статье трактуется смысл загадочного рефрена самого крупного текста М. Горького. Рефрен «А был ли мальчик?» представлен как феноменологическая редукция интеллектуальной и революционной реальности в иллюзионистской рецепции главного героя. Подвергаются детальному дискурс-анализу ключевые эпизоды в формировании образа Клима Самгина. Для освещения контекста романа М. Горького произведены метатекстуальные (рассказ «Старуха Изергиль») и интертекстуальные (роман Достоевского «Преступление и наказание») сопоставления. Рассмотрены некоторые пересечения с прозой Г. Газданова, а также с трагедией «Борис Годунов» А. Пушкина. «Пустота души» Клима Самгина объясняется через категорию «типического» и параметризуется с беспочвенностью и бесплодностью насильственного решения проблем, накопившихся в истории формирования России как части Западного мира.

Ключевые слова: феноменологическая редукция, ирреальное, авторская позиция, идея, контекст

Evgeny E. Ivanov

Moscow International University (Moscow)

THE PHENOMENOLOGICAL COMPONENT IN THE POETICS OF THE NOVEL «THE LIFE OF KLIM SAMGIN»: (on the question of the meaning of the refrain: «was there a boy?»)

The article interprets the meaning of the mysterious refrain of M. Gorky's largest text. The refrain "Was there a boy?" is presented as a phenomenological reduction of intellectual and revolutionary reality in the illusionist reception of the protagonist. The key episodes in the formation of the image of Klim Samgin are subjected to a detailed discourse analysis. To highlight the context of M. Gorky's novel, metatextual (the story "The Old Woman Izergil") and intertextual

¹ Евгений Евгеньевич Иванов – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник кафедры гуманитарных наук Московского международного университета, ayaom@list.ru.

(Dostoevsky's novel "Crime and Punishment") were produced comparisons. Some intersections with the prose of G. Gazdanov, as well as with the tragedy "Boris Godunov" by A. Pushkin, are considered. Klim Samgin's «emptiness of the soul» is explained through the category of «typical» and parameterized with the groundlessness and futility of forcibly solving problems that have accumulated in the history of the formation of Russia as part of the Western world.

Keywords: phenomenological reduction, unreal, author's position, idea, context

Для нашего исследования актуальным представляется утверждение А. Ямпольской: «Не потому ли надо всё время находить новые, всё более радикальные редукции, постоянно расширять область феноменологической работы, что в глазах некоторых феноменология – это не сестра «поэзии», как уверял Хайдеггер, а сама поэзия *sui generis*? Ведь если так, то её развитие будет подчиняться законам развития эстетических форм?» [Ямпольская, 2017, с. 163]. Вероятно, что и развитие эстетических форм когерентно феноменологии как родственное гуманитарное знание. Специфика фикциональности художественного произведения в отличие от феноменального мира, с которым имеет дело философская наука, влечёт другой подход в «вынесении за скобки» несущественного, случайного, мешающего пониманию сути явлений. Писатель, редуцируя эмпирический материал, делает это сквозь призму «большой литературы» как составляющей культурного фонда. Трансцендентным Иным для него оказывается эта планка подлинности и истинности, к ней он и стремится. В этой Вечности он чаёт получить свою «прописку».

В создании отличительного Слова состоит его нуминозно-тварная миссия. Лирическая метаустановка лапидарных в словесном выражении форм, близких к автографу, дают возможность афористичным предложениям (нанотекстам) ассоциироваться в народе с именем автора. Так «тройка-Русь» концентрирует не только «Мёртвые души», а всё наследие Н. Гоголя, «кровавые мальчики в глазах» актуализируют творчество А. Пушкина, словосочетание о «великом и могучем русском языке» вызывает дух И. Тургенева. Эти топосы и составляют суть авторства как обращений к миру в их идеографическом разнообразии. Новаторская эпопея М. Горького в сократовском стиле мудро ограничивает себя вопросом, за которым многое стоит, а значит и даёт широкий диапазон читательского восприятия. Герменевтической заботой исследования редуцированного философского послания писателя стало раскрытие кон/подтекстового объёма его мировоззрения во всей возможной полноте.

Феноменологический тип повествования в художественной литературе присущ не только бунинской «Жизни Арсеньева» и пастернаковскому «Доктору Живаго». Этому наименованию соразмерен и роман-эпопея М. Горького и прежде всего сакраментальным вопросом: «А был ли мальчик?», который является феноменологической редукцией смыслового содержания многомного текста. Нарративная структура романа состоит из жизнеописания Клим Самгина на материале дискурса насилия первой половины XX века, захватывающего всю Европу, включая европейскую Россию. С первого слова названия «Жизнь» и сакральных «40 лет», помещённых автором в скобки, даётся агиографическая подоплёка всего произведения. С вторжения смерти в эпизоде бесследного исчезновения

мальчика под водой крипторефреном ставятся под сомнение целесообразность «ужасов истории» (Элиаде), в которых пребывает герой. Эйдетический распад мира на мнимый (фактический) и механически регистрируемый поток рефлексии создают диссоциативный разлом реальности в её осознании. У М. Горького житийный святой деконструирован и именуется «необыкновенным» аллюзивно на теорию Раскольников из «Преступления и наказания» Ф. Достоевского. Поскольку Клим Самгин считает себя особенным, он в сцене с гибелью Бориса не рискует собственной жизнью, в которой смутно предполагается некая миссия. Сознание собственной исключительности перевешивает благородную возможность спасти ближнего. А идею во что бы то ни стало достичь своих целей «необыкновенными», избранными личностями постулирует Раскольников Ф. Достоевского, который также не в состоянии сформулировать высокую цель, оправдывающую жестокость её достижения.

В метатекстуальной ретроспективе наиболее созвучен «Жизни Клима Самгина» рассказ «Старуха Изергиль», в котором индивидуализм антитетичен самопожертвованию. В обоих текстах речь идёт о душе, жертвенной у Данко и постоянно ускользающей у Клима Самгина, как в «восточной притче» в 3-ей части эпопеи: «От меня скрылась моя тень, а только она знала, куда мне идти» [Горький, т. 23, с. 129]². «Тени» и в рассказе, и в романе семантизируют визионерское взаимодействие с трансцендентным. В зеркальной композиции рассказа отвергнутый эгоистичный Ларра – апория жертвующему собой из любви к людям Данко. Их противоположность уравнивает мудрая история жизненного пути вольнолюбивой старухи Изергиль. Эти ирреальные герои сопрягаются в их отношении к толпе, из которой в концовке появляется «осторожный человек», отделённый и от толпы, и от самостных антиподов Ларры и Данко. Он таинственно оппозиционен обоим героям рассказа и отражает смысловой субстрат образа Клима Самгина. Отзвуки символического текста в реалистической поэтике «Жизни Клима Самгина» соединяют историософский роман и ту оглушительную и ослепляющую реальность, на фоне которой действует герой.

Задуманный как креатура «пустой души», саморефлексирующим хроникёром, Клим Самгин – герой в маске, навязанной ему с детства, предопределяющей его образ, в котором реальность воспринимается с деланной остранённостью «накануне открытия новой, своей историко-философской истины, которая пересоздаст его, твёрдо поставит над действительностью и вне всех старых, книжных истин». В атмосфере лжи и фантазий Самгин ощущает происходящие с ним и человечеством события как неочевидное и театральное. Единственно возможный модус существования предстаёт в усвоении правил игры этого метафизического декоративного действия. То, что происходит с героем, он оценивает как неподлинную действительность. Через феноменологический фильтр сознания главного героя читатель ключевые события получает в колебательно осциллированном виде,

² Все произведения М. Горького цитируются по: Горький, М. Полное собрание сочинений: в 25 т. Москва: Наука, 1968–1976. Далее при цитировании указываются номер тома и страницы в круглых скобках после цитаты.

одной природы с ирреальным. Так первая подлость Самгина, когда он доносит (вероятно, только мысленно) на своего недруга Инокова, Дронов объясняет как невозможное: «у тебя и времени не было для этого». Также история с гибелью Бориса не выглядит виной героя. Хотя у него были причины желать устранения задиристого Бориса, но перед тем, как Самгин не помог ему в трагической ситуации, сам Борис грубо оттолкнул тонущую Сомову. Ремень, сначала протянутый Борису, в решающий момент чуть не стоил Самгину жизни, увлекая под лёд, и он не стал подвергать себя опасности ради спасения злого Бориса, то есть в борьбе за выживание поступил вполне симметрично. Но вся сумятица гибели детей выглядит в кругозоре героя неявно, именно в этой роковой неразберихе прозвучал «чей-то серьёзный недоверчивый вопрос – «Да – был ли мальчик-то?»» (т. 21, с. 87). Как голос из другого мира и коррелят инкогнито «какого-то осторожного человека» он предстаёт Иным, имеющим отношение к повествовательной стратегии автора. Борис – один из Других Самгина. Его «талантливое тело» и ярко выраженный доминантно-маскулиный витализм противостоят «просто хилому» ребёнку, что справедливо констатирует дед – «настоящий старик», когда все другие взрослые видят в Самгине нечто сверхординарное. Самгин с детства научился изображать превосходство, ничем не подтверждённое в действительности. Он пребывает в имагологической неопределённости и неопределённости.

Совершая подлость в выдаче виновника разбитого стекла Инокова, Клим искренне «забывает» о ней. В нарративно-анарративном изложении это подаётся так же неоднозначно, как и эпизод с гибелью Бориса. Дронов, причастный к этому делу и первый проболтавший о секрете разбитого стекла, уверяет Самгина (впрочем, и себя как соучастника предательства гимназического братства), об их непричастности к доносу. С одной стороны, возможно, Дронов лукавит, с другой, всё произошло настолько быстро, что читатель получает завуалированный ирреалистический сигнал о том, что часть наррации в кругозоре Самгина вымышлена, но никак не атрибутирована конкретно, взаправду. В итоге Самгин никогда не схватывается окончательно и в собственных глазах, и в рецепции читателя, он всегда принципиально незавершён. Микрорасследование о доносчике на хулиганскую выходку Инокова созвучно вывернутым наизнанку призракологикой околдетективным сюжетам Г. Газданова, почтительная комплиментарность которого М. Горькому выказана в их переписке. В развитии ирреалистической стилистики «Призрака Александра Вольфа» и «Возвращении Будды» «детективная интрига служит лишь поводом для феноменологической редукции» [Ямпольская, 2017, с. 117]. Но задолго до модернизма «приёмы философизации» [Акелькина, 2019, с. 43] преступления открыл Достоевский, который детектив использовал в качестве фабульной рамки для художественно-философской постановки вопроса о природе асоциального поведения и спекулирующий в интерпретации желания выйти за рамки общепринятых правил. У М. Горького с позиций корпоративной морали преступником является Дронов, а не Иноков, который совершил недопустимый поступок. Также и Раскольников думает, что он имеет право на убийство в этикоманипулятивной системе координат своей теории.

Саморефлексия героя интерферирует реальные события в повествовании и создаёт двоящуюся оптику видимого и Иного. Повествование, уподобляясь агиографическому жанру, переворачивает и профанирует его: «Название предстаёт эмбрионом, неделимым первоэлементом, максимально сконцентрированной моделью» [Вишняков, 2018, с. 75]. Номинация романа «жизнь» созвучна «житию», один из канонов которого – рождение «необыкновенного» ребёнка, восприятие его таковым окружающими и отстраненность будущего святого (не от мира сего). Всё это делает текст квазититием, поскольку никаких подвигов на благо людей герой не совершает и не планирует.

Ещё один важный элемент образа Клим Самгина репрезентирован его идеологической двупостасностью, заданной родителями в нахождении исключительного имени. Западная «самость» говорящей фамилии, которая у героя вырождается в нарциссизм, нарисована контрастно на фоне «простонародного» имени Клим, с трудом найденного отцом как озарение «в последний момент» (подобно инсайту), и матери оно сразу «понравилось». Нестыковка с общинным народным миром (дети дразнят его «Клин») и ярко выраженный эгоцентризм, фундированный «манекенностью» коммуникативных интенций, стали причиной того, что в авторефлексии Самгина нет диалога Я – Другой (Другие), а экзистенцируется чужеродный сонм Других, которые возникают в оболочках множественного Я, изображённого в кошмарном сне, где «двойники его бесчисленно увеличивались, гнали его по пространству, лишённому теней».

Первобытноприродная самость Ларры и претензии на «необыкновенность» у Клим превращаются в образе-креатуре «пустого сознания» в безымянного «осторожного человека» – «ещё одного Клим Самгина», адекватного регистратора эпически бессмысленных, пустопорожных процессов насилия, охвативших Европу и Россию как её существенной части. Самгин «пустой» настолько, насколько лишена смысла и цели окружающая его жизнь. В наличном хаосе через прозрачный индифферентный фильтр сознания героя «ужасы истории» сливаются с ужасом бездушия, и мнимое оказывается единственно доступной реальностью, необходимой кольчугой пустоты, чтобы не сойти с ума. Самгин, если продолжить агиографическую параллель, скорее летописец безбожного, атеистического времени в истории, чем его герой (святой). Преобразование «символично-аллегорической и злободневно-политической» [Криницын, 2017, с. 370] страт сюжета в модернизации романной структуры даёт своеобразный внутрижанровый эффект: квазититие, начиная с названия текста и вплоть до фразы «А был ли мальчик-то?», превращается в псевдоэпопею.

Выхолощенному мужскому началу в лице Самгина полярна цельная фигура Зотовой. Она не балансирует над потоком «тьмы вещей», а твёрдо стоит на ногах. Этимология имени героини восходит к слову «животворный», оно олицетворяет память рода, исконно русского бережного отношения к жизни, не затуманенного поветриями постоянного переустройства и совершенствования мира. Зотова – носитель явного, содержательного и спасительного для одурманенных революционными фантазиями начала. Само слово «Зотова» изыск для современного

восприятия и свидетельствует о старине, которую не изжить до конца транскультуральными влияниями. Девичья фамилия «Премирова» транслирует её исходную шаблонность в общем круге общения Самгина. Народность Марины приобретена в результате правильного решения в выборе спутника жизни и учителя. Провинциальный Русьгород с точки зрения малой сосредоточенности культуры (или лжекультуры) оказался местом, где ещё теплится настоящая Россия и мерцают искры от сердца Данко. Одна из этих искр, сектантская по отношению официозу, превратила обычную русскую девушку в героиню первого плана. Духовная самостоятельность Зотовой позволяет ей быть спокойной, уверенной в любой точке соблазненного и больного миропорядка, в любой столице этого иллюзорного пространства. Состоявшаяся личность Зотовой как живой отголосок народности, важнейшего феномена в идейном содержании романа, образует с мощной эпической «пустотой» Самгина диалектическое сцепление. Зотова чувствует за фальшивой незаурядностью Самгина сгущение иллюзорности в сиюминутном времени. А Самгин влюбляется в неё в последней попытке выбраться из тупика своего солипсического экзистанса. Зотова как купчиха собирает камни, наживает добро и в буквальном, и в переносном смысле. Купечество в романе не выглядит «тёмным царством» служения золотому тельцу, а в свежем переосмысляющем традицию критики торгового сословия подходе М. Горького обладает полезной функцией русского городского социума.

Образу Зотовой в ряду сильных женщин писателя ближе свободлюбивая старуха Изергиль, чем меркантильная буржуазная Васса Железнова. В Зотовой манифестируется антропософская возможность сохранения связей с естественным мировосприятием, независимым от отчуждающе урбанистической среды обитания. Выйдя из одного Русьгорода и разойдясь в разные стороны, герой и героиня встречаются снова для понимания пройденного ими пути.

В отличие от Самгина, внутренний мир Марины Зотовой не вывернут наизнанку. Её портрет доступен в режиме понимания её высказываний и образа жизни, по его внешним проявлениям. В зазеркальном мире романа такая подача персонажа более информативна, поскольку самокопания «пустоты» главного героя непродуктивны, статичны и невдохновенны. «Откуда она смотрит на жизнь?», – задумывается Самгин (т. 23, с. 324). Согласимся с оценкой образа Л. Борисовой, которая пишет, что в ней показана «Мировая Душа в неразрывном единстве реального и иррационального» [Борисова, 2014, с. 74]. Зотова, судя по всему, синтезирует архаические представления о религии с христианской традицией в её православном, но не церковном изводе. Гностицизм в нуминозном, не артикулированном многочисленными отцами церкви как социальной институции варианте составляет фундамент её духовного мира. Она верит в Бога безоговорочно, прямолинейно и просто. В этом и суть настоящей личности. По контрасту с Раскольниковым и Самгиным её миропредставление однозначно отличает добро и зло в человеческой жизни, безжизненное и содержащее энергию вечного движения, суету от покоя. Она живёт в равновесии с плотным миром, канализируя издержки телесного рабства души в очистительных хлыстовских обрядах.

В энциклопедическом ассамбляже идей романа, эйдосы, воплощаясь в реальность, выражают диссипативную энтропию бытия, вмещающую в себя трагическую историческую обстановку всей половины XX века. Гибельная воронка втягивает не только Гражданскую войну в России, которая образовалась за счёт несовпадения исконно русских, народных форм развития и искусственной, форсированной «внятностью» западных паттернов, но и экстраполируется на глобальный макросоциум. Культ просвещения, подменивший собою религию, которая в церковном варианте становится видимостью нуминозного сознания человека и отражает симультанность европейской жизни, демонстрирует поиск автором души не только человека, но и всего цивилизованного человечества. Клим Самгин соответствует историческому времени, обострившему глубокие архетипические конфликты деградации духовного состояния мира. Инстанция «пустой души» воплощает историсофскую коллизию конечности «исторического времени», постичь которую можно не через диалог или дискурс, а в привлечении вечных скреп – древних образов. Нарциссическое смотрение в воду реки, трансформированное в сумятицу смерти «мальчика», вкупе с мотивом зеркала, которое всплывает в повествовании в связи с образом Самгина, загадочное аннигилирование реальности в этой суматохе, экранирует контингентность и постановочность бытия. В этом ракурсе эпизод (реалистически-сюрреалистический) с гибелью Бориса намекает на Бориса Годунова, в царствование которого началось активное сближение России с Западом, и после смерти которого началось Смутное время. Смерть Бориса – первая трагедия в жизни героя, и особое положение этого события также позволяет предполагать аллегорическую аллюзию на ключевую историческую фигуру далёкого прошлого и его художественное воплощение в «Борисе Годунове» А. Пушкина, который так же как и в случае с вопросительным рефреном самого обширного романа М. Горького, закрепился в русской культуре своим «сухим остатком» – «кровавыми мальчиками в глазах».

«Призраки делают человека человеком» [Гиренок, 2020, с. 188], как полагает современный антрополог Ф. Гиренок. Нарциссическая недоступность познания собственного «Я», имагологическая, фантазийная обезличенность, которую субъект культивирует всю свою жизнь, составляют фактическую содержательность образа человека. Фраза М. Горького о «душе без свойств» Самгина, не лишены мистификации и литературной маски, связанной с ироническими Онегиным и Печориным. Толки о «нелюбимом герое» в интерпретациях Самгина являются несостоятельными, как и споры о жанровой идентификации (повесть или роман?), потому что столь крупный текст, достаточно стройный и удерживающий внимание не меньше, чем классическая эпопея Л. Толстого, созданная им уже постфактум реальным событиям, распался бы без масштабной жизненной правды в нём, если бы главный герой не нёс достаточный заряд романного правдоподобия. Другое дело, что «типический герой в типических обстоятельствах» здесь максимально изоморфны, как и образ автора, интеллектуальный синкретизм которого не позволяет говорить о предпочтении какой-то одной идеологии даже в фокусе становления его мировоззрения.

Ноосферная отзывчивость Горького, вмещающая полифонию различных теорий и релятивизирующая каждую из них в отдельности, сполна выражена в фигуре Клима Самгина. И М. Горький, и его Самгин не ищут единой основы разумности жизни, так как она дискредитирована бесконечными войнами. Не наступая на грабли апологетов теории сверхчеловека, которые и порождают «право на кровь», они созерцают и свидетельствуют майю текущей реальности, надеясь, что «огонь душевный» запустит «машину ума» [Достоевский, 1996, с. 14] в сторону мерцания «искр» Данко на тёмном фоне симулякрального существования. Гуманизм М. Горького воплотился в нетипичном характере («необыкновенном») Клима Самгина в нетипичных обстоятельствах катастрофы исторического слома, что создаёт стереоскопический эффект реальности во всей её феноменологически эвристичной широте, которая, по мнению Е. Белоусовой, выразилась в «“антитетично-подвижном”» способе формотворения» [Белоусова, 2007, с. 18].

«Я слишком много потратил сил на борьбу против чужих мыслей, против шаблонов» (т. 23, с. 138), – говорит Самгин. Генерализующая роль рефрена о «мальчике» определяет феноменологический тип повествования как анарративную функцию в поэтике романа, концентрирующую в вопросительном предложении авторское присутствие. Повторы о «мальчике» оказываются «такими элементами (уровни, потоки), которые в нарушение всех математических представлений о множестве оказываются одновременно и частью целого, и самим этим целым во всей его полноте» [Вишняков, 2019, с. 54]. В связи с этим феноменологическая редукция выводится из обширного, диссипативно открытого идейно-философского контента романа, который Самгин ставит под сомнение, сводит к тому, что всё надуманно, химерично и случайно, идёт вразрез со «всеблагим провидением» [Достоевский, 1973, с. 211], как сказал бы Раскольников, которого «чёрт тащил» не только на убийство, но и на создание статьи, в опубликованном виде провоцирующей вирулентность идеи убийства по праву сильного.

«Жизнь Клима Самгина» как текст-реципиент «Преступления и наказания» представляет собой воплотившийся в реальность сон об эпидемии трихин Раскольникова, который не утратил и своих онирических качеств, став его эйдетической эманацией, поскольку революцию и свою жизнь Самгин ощущает как наваждение, из которого невозможно выделить ценностный и смысложизненный компоненты.

У поклонника М. Горького Г. Газданова в «Вечере у Клэр» старая Россия символизирована подстрелянным накануне Гражданской войны «старым орлом», к которому страшно подойти. У Ф. Достоевского можно предположить аналогичную аллегория в избииении «старой клячи» как предвидение зарождающегося насилия. В эпопее М. Горького распад цельности смысла двуглавого орла в четырёхмоментной связке Запад-Восток / элита-народ (первое – в плане блоковского утверждения «да, скифы мы») на безудержный, неконтролируемый разгул идей в аффектированной толпе напоминает сон о мальчике, бросающемся «с кулачками» на живодёра, сумевшего «завести» толпу до степени жестокого развлечения.

Загадка происхождения слова «мальчик» кроется в мальчике Раскольникове, как и его фамилия, связанная с «расколом», раскольниками, подкреплённая в «Преступлении и наказании» сюжетным пуантом – ложным признанием вины старовера Миколая в его идеалистическом желании «пострадать от властей» за веру. «Образ Миколы в дальнейшем развитии внутреннего сюжета трансформируется в полярный образ смиренного Миколая, который приносит себя в жертву, канализируя негатив, вызванный несправедливостью, царящей на каждом шагу, в поступок, спасающий мир и душу» [Касаткина, 2023, с. 257]. Если брать сны Раскольникова как «цикл-послание, в котором последний сон о трихинах завершает установку первого сна о коллективном безумии, которое незаметно охватывает самых «обыкновенных людей» [Достоевский, 1973, с. 41], то программно-зачинный сон о «старой кляче» в онирическом конструкте предсказывает последний «сон о трихинах». Заражённая Миколой-живодёром толпа в последнем сне Раскольникова принимает масштаб «эпидемии». В «сне о трихинах» зло парализует самость, незаметно подменяет своей инородной сущностью. А рефрен о «мальчике» в этом контексте предстаёт редукцией осмысления Климом Самгиным жизни как галлюцинации. У Ф. Достоевского чистый, благородный «мальчик» внутри Раскольникова даёт ему шанс на перерождение после преступления, олицетворяя добро и зло в плане христианского всепрощения, а Самгин – за пределами этой борьбы, в сфере пустоты, скрытой под панорамой кровавых событий.

Телеологическая рефлексия персонажной текучести романа в поиске самоопорности (сравнение Климом себя с «канатоходцем», т. 23, с. 128) и самоцельности – непрерывный материал для редукции. «Это не революция, а мальчишество» (т. 23, с. 104), говорит, в частности, Варвара, переключаясь мыслями Самгина об отсутствии провиденциального смысла – «мальчика» в том, что происходит. Второй рефрен «Что вы озорничаете?», коннотируемый с «мальчишеством», также отсылает к коллективному безумию, пубертатной недовоплощённости революционной массы людей.

Крипторефрен «Жизни Клим Самгина» как феноменологическая редукция идейного содержания понимается как незрелость революционной идеи, её неукоренённость в народе, которая обретает вид неуправляемого эпидемического бедствия, одурманивающего тумана, готового в любой момент испариться и исчезнуть. Этот рефрен сам по себе и создаёт художественную цельность текста, независимую от наличия/отсутствия концовки, поскольку в нём находится виталистическая аллюзия на переходящесть хаоса в космологическом измерении.

М. Горький, солидаризуясь с автором «Мёртвых душ», задавшему с печалью экзистенциальный вопрос «тройке-Руси», не только вопрошает о том, была ли революционная идея связана с Абсолютом, или иллюзионизм проник уже в самое основание тварного мира, но как философ намеренно не ставит финальную точку в произведении, не завершает вечный поиск истины, корреспондируя его самой жизни. Сжигая второй том знаменитой поэмы и Н. Гоголь, наверное, предпочёл оставить после себя не мнение, а только тварный вопрос, как бы давая

возможность произведению не остановиться, а прорасти в русской жизни, чертовой самыми неожиданными ответами.

Герменевтический разбор образа главного героя в его остранённости кошмару революции и её идеологической фатальности подводит к пониманию авторской позиции как художественно-философскому осмыслению текущего положения вещей. Эйдетическая редукция (абстрагирование) в виде перетекания образа «мальчика» из сна о «старой клячи», фундаментального в плане воздействия на мировую культуру «Преступления и наказания» Ф. Достоевского, составляет субъектнорефлексивную сторону этого слова в рефрене, вторая сторона имеет подтекст, связанный с пушкинским «Борисом Годуновым», намекая на насилие во всероссийском охвате.

Патологический оптический эффект «кровавых мальчиков в глазах» в безысходном вакууме Гражданской войны превращается в фантазмагорическую имажинативную фикциональность. В «пространстве, лишённом теней» Самгин видит «другое солнце, без лучей, огромное неправильной, сплюсненной формы, похожее на жерло печи, – на этом солнце прыгали чёрненькие шарики» (т. 23, с. 140). Бредовый сон Самгина с навью «двойников», производных онтологической воронки, демонстрирует невидимую силу «трихин» из последнего сна Раскольников, давящая близость которой отчётливо и обострённо беспокоит Самгина на протяжении всего повествования. Такое же «другое солнце» в преддверии Гражданской войны описано в онирическом экфразисе Николая Соседова в «Вечере у Клэр» Г. Газданова, оно подземное, в бездне, куда падает герой (у М. Горького безвольный герой гоним «двойниками»): «солнце, которое как громадный фонарь освещает чёрную воду неподвижного озера и оранжевую мёртвую землю» [Газданов, 2009, т. I, с. 64]. Феноменологическая редукция рефрена отсылает к представлению об иллюзионизме и континуальности реальности, недоступной динамическому восприятию в тяжёлые периоды истории. В ретро/перспективном освещении от Ф. Достоевского и к Г. Газданову «Жизнь Клим Самгина» видится как важное звено в антропологической парадигме художественно-философского «сохранения энергии», если исходить из номологических положений историко-литературной теории П. Сакулина. Относя ирреализм к одному из «основных типов творчества» [Сакулин, 1925, с. 87] как модификации идеализма, П. Сакулин пророчески нащупал нарастающую тенденцию виртуалистического погружения в онтологическое ничто. Рефрен «Жизни Клим Самгина» на фоне наррации главного героя ирреалистически заполняет это отсутствие содержательности указанием не только на дискретность трагического времени, но и на непрерывность культуры в её лучших представителях.

Убирая кажимое в тексте произведения (псевдоагиографичность, незавершённость романа, шаблоны вроде «пустой» в значении «поверхностной», не достойной настоящего романного героя «души», «нелюбимый», то есть чуждый автору герой и т. д.), и поднимая к поверхности анализа глубинные связи с предшествующими текстами самого автора и его конфессиональных учителей,

и забегая вперёд в миры последователей писателя (в данном экскурсе в лице Г. Газданова), мы можем зафиксировать ответ на вопрос, поставленный М. Горьким на том уровне, который нам удалось достичь, принципиально не претендуя на то, что тема исследования исчерпана. Применяя метод феноменологической редукции в стремлении понять зашифрованное в рефрене послание классика отечественной литературы, его, так сказать, исповеди, мы приходим к выводу, что редуцирование художественного феномена происходит с помощью приращения смысла, источником которого будет олитературенная реальность, быть может, единственная в обманчивом и жестоком мире. В «большом времени» литературы феноменологический концентрат, заключённый в рефрене «А были мальчик?», отсылает не только к «тройке-Руси» «Мёртвых душ» Н. Гоголя и «Борису Годунова» А. Пушкина, но и выводит на поиск решения проблемы природы насилия во всечеловеческом масштабе. Имагологическая оптика повествования, захватывающая не только реальность революционной России, но и европейское пространство как арену мировых войн, делает текст А. Горького значительным явлением русского модернизма и шире – мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акелькина, Е. А. Новые подходы к осмыслению аллюзий в творчестве Ф. М. Достоевского (рецензия на монографию В. В. Иванова «Сакральный Достоевский») / Е. А. Акелькина // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 1 (35). – С. 42–43.

2. Борисова, Л. М. Аллегорическая героиня М. Горького (загадка Марины Зотовой) / Л. М. Борисова // Вопросы русской литературы. – 2014. – № 27 (84). – С. 67–75.

3. Белоусова, Е. Г. Своеобразие художественного мира «Жизни Клима Самгина»: к вопросу об антиечно-подвижном способе форматирования М. Горького / Е. Г. Белоусова // Вестник Челябинского государственного ун-та. – 2007. – № 1. – С. 12–16.

4. Вишняков, А. Г. О механическом и органическом в художественном тексте. Практические аспекты / А. Г. Вишняков // Вестник Государственного гуманитарно-технологического ун-та. – 2019. – № 3. – С. 54–58.

5. Вишняков, А. Г. Прологомены к титрологии художественного текста: постановка проблемы / А. Г. Вишняков // Вестник Государственного гуманитарно-технологического ун-та. – 2018. – № 1. – С. 71–76.

6. Газданов, Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1 / Г. Газданов. – Москва: Эллис Лак, 2009. – 881 с.

7. Горький, М. Полное собрание сочинений: в 25 т. Т. 21 / М. Горький. – Москва: Наука, 1974. – 580 с.

8. Горький, М. Полное собрание сочинений в 25 т. Т. 23 / М. Горький. – Москва: Наука, 1975. – 420 с.

9. Гиренок, Ф. И. От антропологии к призракологии / Ф. И. Гиренок // Человек. RU. – 2020. – №15. – С. 187–190.

10. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1973. – 423 с.

11. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 5 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1996. – 862 с.

12. Иванов, Е. Е. Влияние сюжетики «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского на романы Гайто Газданова / Е. Е. Иванов // Сборник научных статей Всероссийской конференции «Достоевский и литературный процесс XIX века. Поэтика прозы Достоевского». – Москва: МАКС Пресс, 2021. – С. 39–46.

13. Иванов, Е. Е. «Эвелина и её друзья» как «совершенное» «довоплощение» в метароманном цикле Г. Газданова / Е. Е. Иванов, Г. П. Иванова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического ун-та. – 2022. – № 2. – С. 115–120.

14. Касаткина, Т. А. Обзор II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля – 2 марта 2023 года) / Т. А. Касаткина // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023. – № 2 (22). – С. 241–314.

15. Креницын, А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 – Русская литература / А. Б. Креницын. – Москва, 2017. – 460 с.

16. Сакулин, П. Н. Синтетическое построение истории литературы / П. Н. Сакулин. – Москва. Корпоративное изд-во «Мир», 1925. – 118 с.

17. Ямпольская, А. В. «Феноменологическая редукция как приём» / А. В. Ямпольская // Вопросы философии. – 2017. – № 2. – С. 156–166.

REFERENCES

1. Akel’kina, E. A. Novye podkhody k osmysleniyu allyuzii v tvorchestve F. M. Dostoevskogo (retsenziya na monografiyu V. V. Ivanova «Sakral’nyi Dostoevskii») / E. A. Akel’kina // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. – 2019. – № 1 (35). – S. 42–43.

2. Borisova, L. M. Allegoricheskaya geroinya M. Gor’kogo (zagadka Mariny Zotovoi) / L. M. Borisova // Voprosy russkoi literatury. – 2014. – № 27 (84). – S. 67–75.

3. Belousova, E. G. Svoeobrazie khudozhestvennogo mira «Zhizni Klima Samgina»: k voprosu ob antitechno-podvizhnom sposobe formotvoreniya M. Gor’kogo / E. G. Belousova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo un-ta. – 2007. – № 1. – S. 12–16.

4. Dostoevskii, F. M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. Т. 6 / F. M. Dostoevskii. – Leningrad: Nauka, 1973. – 423 с.

5. Dostoevskii, F. M. Polnoe sobranie sochinenii: v 15 t. T. 5 / F. M. Dostoevskii. – Leningrad: Nauka, 1996. – 862 s.

6. Gazdanov, G. Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 1 / G. Gazdanov. – Moskva: Ellis Lak, 2009. – 881 s.

7. Gor'kii, M. Polnoe sobranie sochinenii: v 25 t. T. 21 / M. Gor'kii. – Moskva: Nauka, 1974. – 580 s.

8. Gor'kii, M. Polnoe sobranie sochinenii v 25 t. T. 23 / M. Gor'kii. – Moskva: Nauka, 1975. – 420 s.

9. Girenok, F. I. Ot antropologii k prizrakologii / F. I. Girenok // Chelovek. RU. – 2020. – №15. – S. 187–190.

10. Ivanov, E. E. Vliyaniye syuzhetiki «Prestupleniya i nakazaniya» F. M. Dostoevskogo na romany Gaito Gazdanova / E. E. Ivanov // Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi konferentsii «Dostoevskii i literaturnyi protsess XIX veka. Poetika prozy Dostoevskogo». – Moskva: MAKS Press, 2021. – S. 39–46.

11. Ivanov, E. E. «Evelina i ee druž'ya» kak «sovershennoe» «dovoploshchenie» v metaromannom tsikle G. Gazdanova / E. E. Ivanov, G. P. Ivanova // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo un-ta. – 2022. – № 2. – S. 115–120.

12. Kasatkina, T. A. Obzor II Mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii «“Prestuplenie i nakazanie”: sovremennoe sostoyanie izucheniya» (Moskva, 28 fevralya – 2 marta 2023 goda) // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal. – 2023. – № 2 (22). – S. 241–314.

13. Krinitsyn, A. B. Syuzhetologiya romanov F. M. Dostoevskogo: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01 – Russkaya literatura / A. B. Krinitsyn. – Moskva, 2017. – 460 s.

14. Sakulin, P. N. Sinteticheskoe postroenie istorii literatury / P. N. Sakulin. – Moskva. Korporativnoe izd-vo «Mir», 1925. – 118 s.

15. Vishnyakov, A. G. O mekhanicheskom i organicheskom v khudozhestvennom tekste. Prakticheskie aspekty / A. G. Vishnyakov // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo un-ta. – 2019. – № 3. – S. 54–58.

16. Vishnyakov, A. G. Prolegomeny k titologii khudozhestvennogo teksta: postanovka problemy / A. G. Vishnyakov // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo un-ta. – 2018. – № 1. – S. 71–76.

17. Yampol'skaya, A. V. Fenomenologicheskaya reduktsiya kak priem / A. V. Yampol'skaya // Voprosy filosofii. – 2017. – № 2. – S. 156–166.